УДК 821.161+821.161.1+244
ББК 84(4Рос)+86.37

Бедина Наталья Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Наб. Северной Двины, д. 17, 163000 г. Архангельск, Российская Федерация
E-mail: bedina-nat@yandex.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСИХАСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ (на примере повести Н. С. Лескова «На краю света»)

Аннотация: Движение исихастов, практиков «умного делания», идёт от Григория Синаита с середины XIV столетия. Эта богословская школа перешла с Крита на Афон, откуда распространилась по всему восточнохристианскому миру. Практика исихастов богословски связана с учением св. Григория Паламы о Фаворском свете и божественных энергиях. В науке сложилось мнение, что исихастскую традицию на Руси реализуют в своей молитвенной монашеской практике преподобный Сергий Радонежский и его ученики, во многом определившие парадигму русской духовной культуры. Вместе с тем сама эта традиция изначально несёт на себе черты некоторой исключительности и оппозиционности в рамках православного вероучения. В силу разных причин именно эти черты были унаследованы русской культурой XIX–XX вв.: от религиозно-философской традиции и литературы до революционной практики «монахов-революционеров» (С. Л. Франк) рубежа веков. Христианское сочувствие к «маленькому человеку», пронизывающее всю русскую литературу, соединяясь с идеями исихастской мистики и антропологии, в творчестве Н. С. Лескова реализуется в теме Богопознания. Образ человека «на краю света», преображённого у Лескова одним касанием «края ризы Христовой» — только края Света Христовой Любви (А. А. Новикова-Строганова), но при этом «еретичествующего немножко», становится одним из воплощений русского духовного идеала, рождённым в контексте паламитского учения о Преображении Господнем и Фаворском свете.
Ключевые слова*:* исихазм, преображение, диалог, художественный образ, Григорий Палама, Н. С. Лесков.

Под термином исихазм в науке подразумевают и созерцательную, отшельническую форму жизни восточно-христианского монашества, и психосоматический метод творения «умной» Иисусовой молитвы, и богословскую систему, и «политический» исихазм XIV в. [7, с. 292–295]. Исихазм может быть истолкован как «реакционное философское (мистическое) и общественно-политическое течение в Византии» [11] и назван «оживотворяющей силой», достигшей народных глубин [5; 14].

© Бедина Н. Н., 2015

Понятие «исихазм» по-гречески означает спокойствие, покой, мир, тишину, молчание. В контексте настоящей статьи мы подразумеваем мировоззренческие основы православной традиции, которые базировались на принципиальной несовместимости материального и духовного. Палестинскими и сирийскими отшельниками IV–VI вв. дуализм бытия преодолевался с помощью аскетизма и духовными подвигами [9, с. 396]. Суровые условия Сибири, где происходит основное действие повести Лескова, требовали от миссионеров молчаливой проповеди православия: делом, а не словом.

Повесть Н. С. Лескова «На краю света» (декабрь 1875 – январь 1876 гг.) начинается с диалога в доме престарелого православного архиепископа (бывшего епископа Иркутского), от лица которого пойдёт в дальнейшем основное повествование. Содержательным стержнем первой (вводной) главы является не столько сопоставление западнохристианской и восточнохристианской миссионерской традиции, как представляется на первый взгляд, сколько сопоставление двух форм сосуществования философской и богословской мысли, воплощённых в оппозиции «спор (диспут) / беседа». Эта оппозиция разрешается в тексте повести обращением архиерея к своим собеседникам: «От спора мы воздержимся, а беседовать — давайте» [6, с. 336]. Вместо словесных прений и выстраивания логических (рациональных) доказательств архиерей предлагает участникам беседы о христианстве «вчувствоваться» в различные живописные образы Христа — европейской живописи и русской иконы. Через сопереживание образу он предлагает каждому проникнуться духом сопоставляемых традиций и внутренне определить свою причастность к той или иной.

Далее архиерей, продолжая «образную» проповедь, повествует о личном опыте миссионерства среди якутов и тунгусов в отдалённой сибирской епархии. Оппозиция «спор / беседа» и здесь составляет основу сюжета рассказа владыки. Слово «беседа» — одно из самых частотных в речи рассказчика: его «беседы» с отцом Кириаком и с тунгусом-проводником составляют основное содержание повести. В них раскрывается исповедание веры каждого из героев, воплощается объединяющий и просвещающий образ Христовой любви. В то же время стремление рассказчика переубедить, переспорить, «перекапризить» собеседника ни разу не приводит к ожидаемому результату: «темняк»-тунгус просто не понимает речи архиерея, спор с Кириаком о необходимости активного, «результативного» миссионерства в конечном итоге приводит к трагической гибели отца Кириака в снежной пустыне.

Сам отец Кириак (от греч. «Господний»), резко прекративший некогда успешную миссионерскую деятельность, настойчиво отказывается рассказывать о причине своего решения: «Нет, говорит, детушки, это дело не шутка, — это страшное…», «Освободи, владыко, не спрашивай» [6, с. 344, 353]. Постепенно (в беседах) выясняется, что отец Кириак прекратил крестить «инородцев», осознав свою неспособность выразить в слове, объяснить на языке, понятном «темнякам», саму суть крещения и христианской веры. Отец Кириак выбирает путь проповеди на примере собственной жизни «по Христовой добрости и мудрости»:

«— Я, когда мне что нужно сделать, сейчас себя в уме спрашиваю: можно ли это сделать во славу Христову? Если можно, так делаю, а если нельзя — того не хочу делать.

— В этом, значит, твой главный катехизис?

— В этом, владыко, и главный и не главный, — весь в этом; для простых сердец это, владыко, куда как сподручно!..» [6, с. 355].

Лесков рисует образ отца Кириака, «божьего человека», любимого «и братией, и мирянами, и даже язычниками», — который сознательно отказывается от человеческого слова как недостаточного для выражения сущности веры, предпочитая «убеждать делом» [4, с. 7]. Здесь находит отражение символико-образная форма мышления, литургическая по своей природе, определившая типологические особенности русской как церковной, так и светской культуры, прежде всего средневековой, но также и Нового времени. Одна из этих особенностей — сознательный уход от прямых словесных прений (в этой системе координат истина рождается не в споре). Поэтому в древнерусской книжной культуре, при достаточно большом корпусе обличительных текстов, не оформляется в полной мере культура богословских диспутов, в ней почти отсутствует оригинальная догматика и экзегетика [10], но получает большое развитие гимнография и агиография.

Поэтому и у Лескова бессловесная проповедь отца Кириака сопряжена с его «неизглаголанной» предсмертной молитвой за всех: он «не то молился Богу, не то судился с Ним, как Иеремия пророк, или договаривался, как истинный свинопас евангельский, *не словами*, а какими-то воздыханиями *неизглаголанными*. <…>

— О доброта… о простота… о любовь!.. о радость моя!.. Иисусе!.. вот я бегу к Тебе, как Никодим, ночью; вари ко мне, открой дверь… дай мне слышать Бога, ходящего и глаголющего!.. Вот… риза Твоя уже в руках моих… сокруши стегно мое… но я не отпущу Тебя… доколе не благословишь со мной всех» [6, с. 391] (курсив мой. — *Н. Б.*).

Неизглаголанная молитва отца Кириака, его страстное желание услышать Бога, «дерзновенное исповедание любви к Богу» [3, с. 278], живому, личному, деятельному, в диалоге обращённому к Своему творению, непосредственно связывают повесть Лескова со средневековой исихастской традицией.

Движение исихастов, «безмолвствующих», практиков «умного» молитвенного делания, идёт от св. Григория Синаита с середины XIV столетия. Эта богословская школа перешла с Крита на Афон, откуда распространилась по всему восточнохристианскому миру. Практика исихастов богословски связана с учением св. Григория Паламы о Фаворском свете и Божественных энергиях. «Исихастские споры» середины XIV в. стимулировали в славянских странах очень большой интерес к византийской богословской традиции, но «из непосредственно порожденной спорами обширной и разнообразной литературы сравнительно очень немногое было переведено с греческого языка на славянский» [12, с. 15]. Одно из переведённых сочинений — «Беседования Солуньскаго аръхиерея Григориа, еже сътвори с хионы и турки», оригиналом которого является запись полемической беседы (!),

состоявшейся в 1354 г. по инициативе эмира Урхана между св. Григорием Паламой, находившимся более года в турецком плену, и турками и «хионами».

Несмотря на то что, по мысли эмира, это должен был быть богословский диспут, св. Григорий Палама принципиально отказывается от спора с «хионами», но готов ознакомить турок с христианским учением (ср. лесковское «От спора мы воздержимся, а беседовать — давайте»). Отказ свой Палама, прежде всего, объясняет так: «Мне не подобает сейчас отвечать, ибо по сравнению с высотой и величием соборной и апостольской Церкви моего Христа — кто я такой, чтобы говорить за нее, будучи частью ее наименьшей и почти ничем?» [1, с. 113] В той же системе координат выстроен и ответ лесковского отца Кириака о причине его отказа крестить «иноверцев»: «В сердце моем сия причина, владыко, и Серцеведец ее видит, что велика она и мне, немощному, непосильна…. Не могу!» [6, с. 345]

Удивительно, что на протяжении всего периода исихастских споров о нетварной природе Фаворского света и практике «умной молитвы» одинаково сильно проявляют себя как полемический настрой сочинений, так и стремление авторов-исихастов и участников Соборов уйти от словесных богословских прений, «пройти мимо» построенных доводов противника [3, с. 378–379]. Предпочтение св. Григорием Паламой пастырского наставничества и живого образного толкования св. Писания опровержениям и доказательствам находит обоснование ещё в начале первой Триады в «Слове в защиту священно-безмолвствующих»: «Всякое слово борется со словом, то есть, значит, и с ним тоже борется другое слово, и невозможно изобрести слова, побеждающего окончательно и не знающего поражения, что последователи эллинов <…> доказали, постоянно опровергая друг друга» [4, с. 8] (это то, что в XX в. К. Поппер определил в качестве основного признака рационального научного знания — его фальсифицируемость, или опровержимость). Истинное знание не добывается рассуждениями и умозаключениями, а явлено делами и жизнью: «Всякое слово борется со словом, но какое — с жизнью?» [4, с. 73]. Примером напряжённой духовной жизни, просвещённой истинным «умным» знанием, были для св. Григория монахи-исихасты, воплощавшие высокий идеал монашеского призвания.

В науке сложилось мнение, что на Руси исихастскую традицию реализуют в своей молитвенной монашеской практике прп. Сергий Радонежский и его ученики, во многом определившие парадигму русской духовной культуры. Подвиг прп. Сергия, «явленный делами и жизнью», агиограф определяет так: «Ночью же и днем он не переставал молить Бога, который начинающим подвижникам помогает спастись. Как я смогу перечислить прочие добродетели его: тихость, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простоту без пестроты? Он любил одинаково всех людей…» [2]. При этом, как известно, прп. Сергий не оставил собственных сочинений, вполне вероятно вопрошая вслед за Дионисием Ареопагитом и Григорием Паламой: «Как словом выразить Благо, которое выше слова? Поэтому остается только благодарить Бога за то, что Он дает благодать» [4, с. 7]. Той же невыразимой радостью созерцания Благодати наполнена жизнь и лесковского отца Кириака: «Все добро зело <…> и что нам указано и что от нас сокрыто» [6, с. 354].

Почти цитатой из св. Григория Паламы об истинном умном просвещении, видимом чистыми сердцами, звучат слова отца Кириака о сердце человеческом («за пазушкой»): «Тайны-то уже там очень большие творятся — вся благодать оттуда идет: и материно молоко детопитательное, и любовь там живет, и вера. <…> Там она, вся там; сердцем одним ее только и вызовешь, а не разумом. Разум ее не созидает, а разрушает: он родит сомнения, владыко, а вера покой дает, радость дает» [6, с. 354].

Как убедительно показала А. А. Новикова-Строганова, «На краю света» — повесть о духовном «преображении», обожении человека, и «свет является доминантой всего текста». Заглавие «На краю света» означает не просто «в отдалённом месте на краю земли», а «на краю светоносной ризы Христовой» [8]. Образ края ризы Христовой становится догматическим основанием всей жизни отца Кириака и его подвижнического служения среди «инородцев». Получая помощь от праведника, некрещёные язычники «благодарны, берут Христа ради и хвалят Его: хорош, говорят, — добр. <…> они сами не чуют, как края ризы Его касаются. <…> Пусть за краек Его ризочки держатся — доброту Его чувствуют, а Он их Сам к Себе уволочет» [6, с. 356–357].

Образное выражение отца Кириака «Сам к Себе уволочет», вызвавшее у собеседника чисто стилистический протест, также рождено контекстом учения св. Григория Паламы о Божественных энергиях: «Всякое человеческое стремление к Богу, едва возникнув, “*подхватывается”* вечным Божиим действием, и, хотя человек неизбежно достигает только ограниченного успеха, встречное действие Бога всегда бесконечно» [3, с. 375]. Понятие Божественной энергии в богословской системе исихазма имело смысл не рационально познаваемых результатов действий Бога в видимом мире (томизм), а мистико-символический и нравственный смысл, «перейдя в ряд рационально непостижимых догматов веры, подобных Троичному догмату» (св. Григорий, постоянно опираясь на тексты св. Отцов, борется не о словах, а «о догматах, то есть о делах») [3, с. 376, 378].

Выраженная в сочинениях Паламы исихастская догматика, на наш взгляд, определяет в повести Лескова образный строй «чудесного» прозрения архиерея, когда некрещёный «темняк», рискуя жизнью, спасает его в ледяной пустыне.

Первое описание «смердящего дикаря» выстроено в логике средневековой концепции человеческой природы, воплощённой в русской традиции в сочинениях книжника XVI в. Ермолая-Еразма. Во вступлении к «Повести о Петре и Февронии Муромских» Ермолай-Еразм характеризует человеческую природу, называя ум, слово и дух как три определяющих человека Божественных дара: от ума «слово исходит <…> на котором почиет дух, потому что уста каждого человека *слов без духа произвести не могут»* [13, с. 626]. Здесь содержится цитата из «Точного изложения православной веры» преп. Иоанна Дамаскина о Троичном догмате (о собезначальности Богу Слова и Духа), к которому отсылает и св. Григорий Палама в «Беседовании … с хионы и турки». Но если у св. Григория Паламы цитата служит обоснованием Троического догмата, то у Ермолая-Еразма она характеризует природу человека как творения по образу и подобию Божию.

Образ «темняка» у Лескова строится на отрицательном определении именно этих качеств: и ум в глазах не блеснёт, и слово убого, и дух смердящий: «…рожа обмылком — ничего не выражает; в гляделках, которые стыд глазами назвать, — ни в одном ни искры душевного света; самые звуки слов, выходящих из его гортани, какие-то мёртвые: в горе ли, в радости всё одно произношение, вялое и бесстрастное, — половину слова где-то в глотке выговорит, половину в зубах сожмет. <…> присутствие его на близком расстоянии было невыносимо. Четвородневный Лазарь в Вифанской пещере не мог отвратительнее смердеть, чем этот живой человек <…> О Боже, о бедный я человек! Как мне был противен этот, *по образу Твоему созданный*, брат мой! <…> но он вдруг перекатился через меня и лег прямо нос к носу, и ну дышать мне в лицо с ужасным сапом и зловонием» [6, с. 370, 372–273].

Гносеология исихазма сводится к самопознанию, призванному открыть Бога в своём сердце, и язычник, тёмный и смрадный, но готовый жизнь положить для спасения ближнего своего, в конце предстаёт рассказчику осиянный светом, аки Божественным, и просвещённым Благодатью: «Ко мне плыла крылатая гигантская фигура, которая вся с головы до пят была облечена в хитон серебряной парчи и вся искрилась». Человеческая земная природа и «темняка»-тунгуса, и архиерея оказалась преображена и преодолена: «Я не верил ни своим глазам, ни своему слуху: удивительный дух этот был, конечно, он — мой дикарь! <…> Что за загадочное странствие совершает этот *чистый, высокий дух* в этом неуклюжем теле и в этой ужасной пустыне? <…> если Ты, в сем печальном состоянии, вразумляешь его каким-то дивным *светом* свыше, то я верю, что сей *свет ума* его есть дар Твой! <…> Скудно слово его, но зато он не может утешать скорбное сердце движением губ, а *слово его* — это искра в движении его сердца. <…> И я поклонился у изголовья моего дикаря лицом донизу, и, став на колени, благословил его, и покрыл его мёрзлую голову своею полою, спал с ним рядом так, как бы я спал, обнявшись с пустынным ангелом» [6, с. 388–389] (курсив мой. — *Н. Б.*).

В заключение хотелось бы сказать, что в целом мысль св. Григория Паламы, ставшая, на наш взгляд, основой поэтики повести Лескова, изначально была и, по справедливому замечанию В. Вениаминова, остаётся до сих пор богословским вызовом, призванным не ввести новшества в православное богословие, а вернуть его к живым творческим истокам [3, с. 349, 359, 376], преодолев духовную расхоложенность официальной Церкви. Образ отца Кириака у Лескова, наиболее близкий к исихастскому типу праведника, — это образ живой веры: «Он был своего рода новатор и, видя этот обветшавший мир, стыдился его и чаял нового, полного духа и истины» [6, с. 356].

Сама исихастская традиция изначально несёт на себе черты некоторой исключительности и оппозиционности в рамках православного вероучения. Не случайно на протяжении практически всей жизни св. Григория Паламы на соборах Византийской церкви ведутся прения о его учении (вплоть до 1368 г., когда на 9 год после своей кончины Григорий Палама был канонизирован). Исихастское дерзновение догматического творчества, дерзновение исповедания любви к Богу воплощено Лесковым в предсмертной молитве отца Кириака: «Милый мой старик Кириак так

и молился — за всех дерзал: “всех, — говорит, — благослови, а то не отпущу тебя!” Что с таким чудаком поделаешь? <…> Так мне и до сих пор представляется, что он все держится, висит и носится за Ним, прося “Благослови всех, а то не отстану”. Дерзкий старичок этот своего, пожалуй, допросится; а Тот по доброте своей не откажет» [6, с. 391–392].

В силу разных причин именно эти черты исключительности, оппозиционности, дерзновенности, настоятельной необходимости живого внутреннего делания, были унаследованы русской культурой XIX–XX вв.: от религиозно-философской традиции и литературы до революционной практики «монахов-революционеров» (С. Л. Франк) рубежа веков. Образ человека «на краю света», преображённого у Лескова одним касанием «края ризы Христовой», но при этом «еретичествующего немножко», становится одним из воплощений русского духовного идеала, рождённым в контексте паламитского учения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Беседования Солуньскаго аръхиерея Григориа, еже сътвори с хионы и турки / пер. Г. М. Прохорова // *Прохоров Г. М.* Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. С. 105–119.

2 Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 583 с. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989 (дата обращения: 22.06.2014).

3 *Вениаминов В.* Краткие сведения о житии и мысли св. Григория Паламы // *Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 344–381.

4 *Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 384 с.

5 *Концевич И. М.* Стяжание Духа святого в путях Древней Руси. М.: Издат. отдел Московского Патриархата, 1993. 229 с.

6 *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 479 с.

7 *Мейендорф И. Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 29. С. 291–305.

8 *Новикова-Строганова А. А.* «Возсияй в сердцах наших»: Рождественский рассказ Н. С. Лескова «На краю света (из воспоминаний архиерея)». URL: http://www.bogoslov.ru/text/3055071.html (дата обращения: 22.06.2014).

9 *Петров А. Е.* Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь: пересечение традиций / под ред. В. В. Милькова. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 395–419.

10 *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византинороссика, 1996. 592 с.

11 Православие: Словарь атеиста / под ред. Н. С. Гордиенко. М.: Политиздат, 1988. 272 с.

12 *Прохоров Г. М.* Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. 272 с.

13 Сочинения Ермолая-Еразма // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI . М.: Худож. лит., 1984. С. 626–663.
14 *Хоружий С. С.* Диптих безмолвия. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. 174 с.

* * *

Bedina Natalia Nikolaevna,
PhD in Philology, Associate Professor, Northern Arctic Federal University,
Northern Dvina Embankment, 17, 163000 Arkhangelsk, Russia.
E-mail: bedina-nat@yandex.ru

RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF THE MEDIEVAL HESYCHAST TRADITION (on the material of the story of N. S. Leskov «At the world's end»)

***Abstract**:* Movement of the Hesychasts, practitioners of «noetic prayer in silence», had its roots in Gregory from Sinai in the middle of the XIV century. This theological school disseminated from Crete to Athos, then spread through the Eastern Christian world. The practice of the Hesychasts was connected with the theological teachings of St. Gregory Palamas devoted to emphasized Holy light and the Divine energies. In science, there are opinions that the Hesychast tradition in Russia was realized in the prayer of monastic practice of St. Sergius from Radonezh and his disciples, who determined the paradigm of Russian spiritual culture. Nevertheless, the tradition from the beginning had the features of some exclusivity and opposition within the Orthodox doctrine. Due to various reasons these traits were inherited by the Russian culture of the XIX - XX centuries: from religious-philosophical tradition and literature to the revolutionary practice of the «monks-revolutionaries» (S. L. Frank). Christian sympathy to «a little man» which runs through the whole of Russian literature, connected with ideas of Hesychast mystics and anthropology, is realized in the topic of the knowledge of God in the works of N. S. Leskov. The image of a man «on the edge of the world», transfigurated, by Leskov, through one touch of «the edges of the Christ's robe» — only the edge of the Light of Christ's Love (A. A. Novikova-Stroganova), but a man «a little falling into heresy», became one of the pictures of the Russian spiritual ideal. The ideal came from the context of St. Gregory's teachings of the Transfiguration of the Lord and the Light of the Mount Fabor.

Keywords: hesychasm, Transfiguration, dialogue, image, St. Gregory Palamas, N. S. Leskov.

REFERENCES

1 Besedovaniia Solun'skago ar"khiereia Grigoria, ezhe s"tvori s khiony i turki [Disputations of Saint Gregory Palamas, Archbishop of Thessalonica, with the Turks and Chiones], per. G. M. Prokhorova. In: Prokhorov G. M. *Vizantiiskaia literatura XIV v. v Drevnei Rusi* [Byzantine literature of XIV century in Old Russia]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2009, pp. 105–119.

2 *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of the literature of Old Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. *Vol. 6: XIV – seredina XV veka* [Vol. 6: XIV – the middle of the XV century]. 583 p. Available at: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989 (Accessed 22 June 2014).
3 Veniaminov V. Kratkie svedeniia o zhitii i mysli sv. Grigoriia Palamy [A summary of the life and thoughts of St. Gregory Palamas]. *Grigorij Palama. Triady v zashhitu svjashhenno-bezmolvstvujushhih* [Gregory Palamas. The Triads for the defense of those who practice Sacred Quietude], trans. by Veniaminov V. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2011, pp. 344–381.
4 Grigorij Palama. *Triady v zashhitu svjashhenno-bezmolvstvujushhih* [The Triads for the defense of those who practice Sacred Quietude], trans. by Veniaminov V. Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2011. 384 p.
5 Koncevich I. M. *Stjazhanie Duha svjatogo v putjah Drevnej Rusi* [The acquisition of the oly Spirit in the ways of Old Russia]. Moscow, Izdat. otdel Moskovskogo Patriarkhata Publ., 1993. 229 p.
6 Leskov N. S. *Sobranie sochinenij: v 12 t.* [Collected works]. Moscow, Pravda Publ., 1989. Vol. 1. 479 p.
7 Mejendorf I. F. O vizantijskom isihazme i ego roli v kul'turnom i istoricheskom razvitii Vostochnoj Evropy v XIV veke [About the Byzantine Hesychasm and its role in the cultural and historical development of Eastern Europe in the XIV century]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Deparment of Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 29, pp. 291–305.
8 Novikova-Stroganova A. A. *«Vozsijaj v serdcah nashih»: Rozhdestvenskij rasskaz N. S. Leskova «Na kraju sveta (iz vospominanij arhiereja)»* [«Be Holy light in our hearts»: a Christmas story of N. S. Leskov «At the world's end»]. Available at: http://www.bogoslov.ru/text/3055071.html (Accessed 22 June 2014).
9 Petrov A. E. Vizantijskij isihazm i tradicii russkogo pravoslavija v XIV stoletii [Byzantine Hesychasm and the traditions of Russian Orthodoxy in the XIV century]. *Drevnyaya Rus: peresecheniye traditsy* [Old Russia: the intersection of tradition], ed. V. V. Mil'kov. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr «Skriptorii» Publ., 1997, pp. 395–419.
10 Podskalsky G. *Hristianstvo i bogoslovskaja literatura v Kievskoj Rusi (988–1237 gg.)* [Christianity and theological literature of Kiev Russia (988–1237)]. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996. 592 p.
11 *Pravoslavie: Slovar' ateista* [Orthodoxy: the atheist dictionary], ed. N. S. Gordienko. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 272 p.
12 Prohorov G. M. *Vizantijskaja literatura XIV v. v Drevnej Rusi* [Byzantine literature of the XIV century in Old Russia]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2009. 272 p.
13 *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Konec XV – pervaja polovina XVI* [The literary records of Old Russia. The late XV – early XVI centuries], eds. L. A. Dmitriev, D. S. Lihachev. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1984, pp. 626–663.
14 Horuzhij S. S. *Diptih bezmolvija* [Diptych of silence]. Moscow, Tsentr psikhologii i psikhoterapii Publ., 1992. 174 p. (Accessed 22 June 2014).